Источник: Театр
Дата выпуска: 1985
Номер выпуска: 09
Заглавие: Таганрог. До и после
Автор: А. Свободин

(фрагмент статьи)

…При «керосиновых» лампах, в окружении «колониальных товаров», на крошечном пространстве, ограниченном с двух сторон прилавком, за которым хозяйничает кабатчик Тихон (А. Феденко), происходит действие. Зрители сидят на скамье, придвинутой к стене, в которой дверь на улицу. Умещается семнадцать человек. По случаю фестиваля уместилось еще пять. Стоят за нашими спинами, вжавшись в стену.

Такие «комнатные» спектакли удаются, если удается вызвать в зрителях «эффект соучастия». Режиссеру, дипломнице Щукинского училища Ольге Осетинской, это удалось. Мы чувствовали себя посетителями придорожного кабака, застрявшими тут в непогоду.

Когда сидишь один в провинциальном ресторанчике, поневоле прислушиваешься к разговорам за соседними столиками. Тем более что голоса с каждым часом становятся громче. Втягиваешься в чуждые тебе обрывки жизней, сюжеты, начатые не с начала и недоговоренные до конца. А то скандал вдруг возникнет, и незаметно ты — свидетель, почти участник. Вот так и тут.

Странник Савва (В. Кравецкий) затихал на лавке, укрытый с головой дерюгой, цедил слова в забытьи. Две богомолки — Назаровна (М. Плышевская) и Ефимовна (В. Лаврова) — причитали, отгоняя нечистую силу. Вся троица являла собой этнографическую по точности типажа группу. Она-то и начала спектакль исподволь, тихо скуля. Явился романтический «лихой человек», тоскующий вор, беззаконник Егор Мерик — странная смесь благородства и хамства (П. Бондаренко), хорохорился гармонист Федя (А. Черенков).

Все происходившее постепенно сконцентрировалось вокруг истории барина Борцова (А. Топольсков), которого бросила жена. Все они жаловались, жалели, выпивали, ругались, укладывались спать на полу, у наших ног. И мы могли бы так, мы чувствовали себя ими! Барину сочувствовали, даже Тихон смягчился... поили его, он обмякал. За стенами бушевал ветер, гроза была, свистело что-то, стонало заунывно, время от времени кто-то стучал, ломился... То Кузьма (С. Бершадский), что поведал историю барина, то та, что бросила его и сбежала из-под венца к «аблакату», Марья Егоровна (З. Пухлякова). Барин впал в восторженное забытье, а Мерик хотел ее убить топором...

Так мы прожили полтора часа. Актеры играли с совершенным чувством меры, составляя такой ансамбль, что ни о каком ансамбле и не думалось. Говорили нормально, как говорили бы мы, если бы нам пришлось говорить. Они нашли стиль, вписались в это крошечное подлинное пространство. Таким образом они приблизили эту, как еще «нечеховскую», романтическую миниатюру к Чехову позднему, с его неспешным вниманием к незаметным людям.

Спектакль – успех молодого режиссера – становится мемориальным, одной из достопримечательностей города и вместе лабораторной площадкой для актеров…